

Рецензия на: **Religion in der Kultur — Kultur in der Religion. Burkhard Gladigows Beitrag zum Paradigmenwechsel in der Religionswissenschaft = Religion in Culture — Culture in Religion. Burkhard Gladigow's Contribution to Shifting Paradigms in the Study of Religion.** Hrsg. von Ch. Auffarth, A. Grieser, A. Koch. Tübingen University Press, 2021. 420 s.

Данная книга, выпущенная в издательстве Тюбингенского университета, представляет собой сборник статей под редакцией известных немецких религиоведов: Кристофа Ауффарта, профессора Института религиоведения и педагогики религии Бременского университета, Александры Гризер ассистент-профессора Школы религиоведения и теологии Тринити-колледжа, и Анне Кох, профессора кафедры религиоведения теологического факультета Фрайбургского университета. Авторами сборника выступили Йорг Рюпке, профессор Колледжа культурологических и социологических исследований имени Макса Вебера Эрфуртского университета, Хуберт Зайверт, почётный профессор Института религиоведения Лейпцигского университета, председатель Немецкого религиоведческого общества (Deutsche Vereinigung für Religionswissenschaft) с 2001 по 2009, Ханс Герхард Киппенберг профессор сравнительного религиоведения в Бременском университете Якобса, председатель Немецкого религиоведческого общества с 1993 по 1997 и другие.

Содержание сборника посвящено творчеству Буркхарда Гладигова (род. 1939) почетного профессора Тюбингенского университета. Авторы пишут о вкладе в мировую науку о религии тюбингенской школы религиоведения и о роли Б. Гладигова, ключевого ее представителя. Авторы сборника видят свои задачи в следующем: 1) представить работы Б. Гладигова мировой аудитории; 2) познакомить новое поколение немецкоязычных религиоведов с творчеством Б. Гладигова; 3) обозначить место Б. Гладигова в истории религиоведения, и в частности оценить его роль в процессе перехода от понимания религии как явления *sui generis* к пониманию религии как области культуры;

4) продемонстрировать актуальность концепций и идей Гладигова в контексте современного религиоведения. По мнению авторов сборника, Б. Гладигов — один из тех исследователей, кто оказывал влияние на религиоведение в решающие моменты его развития как академической дисциплины. Так, например, отмечается, что вместе с другими немецкими учеными он помог преодолеть доминирование феноменологии в немецком религиоведении, а также сыграл немалую роль в профессионализации религиоведения, будучи председателем Немецкого религиоведческого общества с 1997 по 2001.

Первая часть сборника, посвященная контексту существования религиоведения в Германии, открывается статьёй А. Кох и А. Гризер с одноименным сборнику названием «Religion in culture — culture in religion: Burkhard Gladigow's contribution to the paradigm shift in the study of religion». В ней осуществляется общий обзор идей, концепций и методов Б. Гладигова. Авторы проводят анализ ряда статей Б. Гладигова и на их основе проясняют его взгляды на теорию секуляризации, повествуют о его концепциях профессионализации и дифференциации религии как общественной системы, а также обращают внимание на одну из его основополагающих идей, заключающуюся в понимании религиоведения как науки о культуре (Religionswissenschaft als Kulturwissenschaft). Помимо прочего авторы уделяют внимание вкладу Б. Гладигова в профессионализацию религиоведения и в его экспликацию в качестве отдельной дисциплины, на личном примере описывая методы работы мэтра с его студентами.

Профессор Х. Зайверт в статье «Professionalisierung der Religionswissenschaft: Burkhard Gladigow in der Deutschen Vereinigung für Religionsgeschichte» («Профессионализация религиоведения: Буркхард Гладигов в Немецком обществе истории религии») рассказывает об истории Немецкого общества истории религии (с 2005 г. — Немецкое религиоведческое общество) и вкладе в его развитие Б. Гладигова и других тюбингенских религиоведов — Гюнтера Керера и Хайнриха фон Штитенкронса. Так, в 1980 году общество находилось в глубоком кризисе, обусловленным борь-

бой студенчества с профессурой, структурными преобразованиями университетов в Германии, проблемой смены поколений. На конференции общества в этом году присутствовало всего 45 человек, но именно тогда Б. Гладигов предложил кандидатуру тюбингенского профессора индологии Х. фон Штитенкрона в качестве председателя, который своей главной задачей провозгласил снижение напряжения между религиоведческими школами (что было крайне важно, ввиду ожесточённой борьбы между феноменологами религии и их критиками на конференции общества в 1978 году). Х. Зайверт отмечает, что с этого момента курс развития общества изменился коренным образом: немецкому религиоведению удалось высвободиться из-под контроля теологии и стать самостоятельной дисциплиной. В последующие десятилетия религиоведение стало гораздо более известным в немецких академических кругах, а количество специализированных кафедр заметно увеличилось. В 2001 году в период председательства Б. Гладигова была одобрена заявка на включение религиоведения в список дисциплин Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft), крупнейшего грантового фонда в Германии. Тогда же религиоведение получило свой экспертный совет под названием «Этнология. Неевропейские культуры. Религиоведение», ранее заявки на гранты для религиоведческих исследований рассматривались экспертным советом по теологии. Также автор называет Б. Гладигова инициатором создания и редактором религиоведческого журнала «Zeitschrift für Religionswissenschaft» и энциклопедии «Handbuch der religionswissenschaftlicher Grundbegriffe» («Справочник основных религиоведческих понятий»).

Статья Й. Рюпке «Systematische Religionswissenschaft und Religionsgeschichte: Von Wach zu Gladigow» («Систематическое религиоведение и история религии: от Ваха до Гладигова») посвящена сравнительному анализу концепций систематического религиоведения Йоахима Ваха и Б. Гладигова. Ключевая тема статьи — отношение к историзму и историческому подходу в немецком религиоведении. Так, Й. Вах предлагал разделить религиоведение

на две дисциплины — историю религии и систематическое религиоведение, причём последнее у него было крайне схоже с его же социологией религии. Задачей систематического религиоведения Й. Вах видел выявление сущности религии. Однако идея Й. Ваха была забыта до тех пор, пока Б. Гладигов не задался целью ее возродить: так он скрещивает систематическое религиоведение Й. Ваха с экономическим подходом к религии и предлагает отказаться от эссенциалистского понимания религии. Вместо этого Б. Гладигов предлагает рассматривать религию как особую культурно-специфичную коммуникативную систему. Анализируя крайнее стремления к научному обобщению в работах обоих исследователей, Й. Рюпке предлагает путь среднего уровня обобщения понятий в религиоведении.

Почётные профессора Базельского университета Хуберт Канцик и Хильдегард Канцик-Линдемайер продолжают тему профессионализации религиоведения в Германии статьей «Das “Handbuch religionswissenschaftlicher” Programm und Realisierung (1969–2001)» («Справочник основных религиоведческих понятий». Программа и реализация»). В ней они описывают процесс создания пятитомной энциклопедии, вышедшей в штутгартском издательстве «Kohlhammer» в период с 1988 по 2001 год. Идея создания этой энциклопедии зародилась именно в среде преподавателей и студентов Тюбингенского университета. Трое из четырех редакторов были его сотрудниками: Б. Гладигов, Х. Канцик и Маттиас Лаубшер. Авторы указывают, что особое значение имел первый том, где давалось краткое описание современного состояния религиоведения: уже в 1988 году в нем было уделено место таким дисциплинам, как эстетика и география религии. Стоит отметить, что деятельное участие в разработке эстетики религии принимал и Б. Гладигов.

В статье с громким латинским названием “Etsi deus non daretur: die Säkularität von Religionswissenschaft” («Даже если богу не приносят жертвы: секулярность религиоведения») профессор Института религиоведения Лейпцигского университета Хорст Юнгигер рассматривает концепции методологического агностицизма

и методологического атеизма в религиоведении. Еще в середине XX века Питер Людвиг Бергер постулировал необходимость методологического атеизма в религиоведении. Однако его концепция вызвала достаточно негативную реакцию широких слоев интеллектуальной общественности и позднее П. Л. Бергер от неё отказался. Развивая идеи П. Л. Бергера, Ниниан Смарт предложил концепцию методологического агностицизма, которая господствует и поныне. Эта концепция предусматривает принципиальную непознаваемость трансцендентной божественной реальности, тем самым избавляя религиоведение от прямого конфликта с христианством. Х. Юнгигер приходит к выводу, что и та и другая концепции являются не научными, а идеологическими и что для религиоведения достаточным было бы простого постулирования нерелигиозности своего исследования. Здесь он обращается к Б. Гладигову, который предлагал отказаться от поиска религиозных и не только истин в религиоведении, дабы предотвратить смешение в религиоведческих трудах религиозных смыслов с научными.

Продолжая тему методологических и идеологических концепций в религиоведении, профессор Г. Керер посвящает свою статью «Religionssoziologie in der DDR» истории социологии религии в ГДР. Он рассматривает существование этой дисциплины в условиях методико-идеологической концепции научного атеизма, а также влияние на нее философии марксизма-ленинизма.

Весьма необычно в этом ряду выглядит статья немецкого исламоведа Ханса Герхарда Киппенберга под названием «Eine kanonische Präfiguration für Gewalt. Muslimische Gemeinschaften im Konflikt mit Mächten des Unglaubens» («Канонический образ насилия. Мусульманские сообщества в конфликте с силами неверия»). В ней он исследует связь религия и насилия, а также затрагивает проблемы общественной пользы религиоведения в частности в контексте теракта 11 сентября 2001 года. Х. Г. Киппенберг рассматривает феномен джихада и ставит вопрос о том, является ли ислам сам по себе его причиной. Для поиска ответа он предлагает взглянуть на личность самих исполнителей террористических актов, то есть на мусульман-джихадистов.

Вторая часть сборника посвящена концепции «европейской истории религии»¹, разработанной Б. Гладиговым. Открывает ее статья А. Гризер «“European History of Religion” Revisited: Modelling a Pluralist Approach» («Пересмотр “европейской истории религии”»: моделирование плюралистического подхода). А. Гризер пишет, что Б. Гладигов выдвинул свою идею «европейской истории религии» в период восхода постколониализма. Он утверждал, что религиозное пространство Европы необходимо исследовать с помощью плюралистического подхода, а также, что Европа является специфичной областью исследования, требующего особого

¹ Концепт «европейская история религии» наиболее четко было сформулирован в докладе Б. Гладигова на конференции Немецкого общества истории религии в Бремене в 1993 году. С тех пор над разработкой этого понятия и его применением к конкретным исследованиям трудилось множество немецких религиоведов, взгляды которых на данный концепт не всегда согласуются. Так, Б. Гладигов выделял две основных черты европейской истории религии: 1) возникновение и развитие понятия «религия» путём рефлексии; 2) существование религии в условиях высокой функциональной дифференциации культурных подсистем в сложных обществах. Б. Гладигов настаивает на том, что европейская история религии всегда характеризовалась плюрализмом, однако он понимает его как функциональную структуру европейского религиозного пространства. В этом он полемизирует с популярным тезисом гласящим, что плюрализм появляется лишь в процессе секуляризации. Он утверждал, что предметное поле европейской истории религии — плотное «созвездие» религиозных систем, сформировавшихся в Эпоху Возрождение в крайне небольшом географическом пространстве. В поздних текстах он отмечал последующее влияние этого «созвездия» на религиозное пространство за пределами Европы. Однако в процессе развития этого понятия его содержание наполнилось противоречиями. Так Йорг Рюпке крайне жёстко утверждает его географический детерминизм и выступает против его перенесения на другие области. Кристоф Ауффарт и Ульрике Брунотте предлагают и осуществляют его расширение на религиозную историю США, а Адриан Херманн вообще выступает за создание понятия «глобальная история религии» на основе концепции Б. Гладигова. Это усугубляется и дискуссией о том, являются ли «Европа» и «Запад» географическими или дискурсивными понятиями. Существуют разногласия и в хронологических критериях понятия. К. Ауффарт распространяет его на эпоху Средневековья, Х. Г. Киппенберг исследует влияние римской, греческой и еврейской культур на его формирование, а Михаэль Штаусберг применяет его к изучению зороастризма. Стоит отметить, что и сам Б. Гладигов указывал, что почва для формирования этого европейского «созвездия» была заложена еще в эпоху Античности.

отношения. Несмотря на критику и обвинения в европоцентризме, у Б. Гладигова появилось много последователей. Так, Кристоф Ауффарт в контексте этой концепции доказал плюралистичность религиозного пространства Средневековой Европы, а Й. Рюпке постулировал географический фактор как основополагающий в «европейской истории религии».

Продолжает тему «европейской истории религии» К. Ауффарт, который в своей статье «*Wie kann man Europäische Religionsgeschichte schreiben?*» («Как можно написать европейскую историю религии?») рассматривает историю становления этой концепции до Б. Гладигова, повествуя о взглядах Макса Вебера и Эрнста Трёльча на религиозное пространство Европы. К. Ауффарт пишет, что несмотря на то, что Б. Гладигов выработал концепцию «европейской истории религии», он почти не участвовал в ее разработке, поэтому необходимо провести анализ изданных монографий и конкретных исследований религии в Европе, чтобы изучить влияния на них идей Б. Гладигова.

Завершает раздел статья Адриана Херманна, профессора кафедры религиоведения философского факультета Боннского университета, «*European History of Religion, Global History of Religion: On the Expansion of a Gladigowian Concept for the Study of Religion*» («Европейская история религии и мировая история религии: о расширении концепции религиоведения Буркхард Гладигова»). Этим текстом А. Херманн, во-первых, отвечает на обвинения в европоцентризме по отношению к Б. Гладигову, а во-вторых развивает его концепцию «европейской истории религии». Б. Гладигов считал, что европейская история религии происходит от римской и средиземноморской историй религий, а в своих поздних текстах он писал, что европейская история религий представляет собой результат переплетения ряда региональных систем, однако не является географически ограниченной. А. Херманн говорит, что колониальные процессы способствовали выходу европейской модели религии за пределы Европы, что, однако, означает не ее повсеместное распространение и вытеснение местных религиозных систем, а ее влияние

на них. Автор также отмечает влияние социологической теории дифференциации на идеи Б. Гладигова. В итоге А. Херманн обосновывает возможность перехода от концепции «европейской истории религии» к концепции «глобальной истории религии».

Завершающая часть сборника посвящена освоению новых предметных полей религиоведения. Она начинается со статьи Василиоса Макридеса, профессора кафедры религиоведения философского факультета Эрфуртского университета, «The Natural Sciences in the Framework of a European History of Religion». В ней он рассматривает применение концепции «европейской истории религии» к изучению религиозных дискурсов в естественных науках. Он обращает внимание на такие феномены как сциентизм и научный атеизм, которые близки по своей сущности к религиозным системам. Описывая вклад Б. Гладигова, он утверждает, что именно его плюралистический подход к изучению систем ориентирования¹ позволяет понять взаимовлияние религии и науки в Европе.

Продолжает тему применения концепции «европейской истории религии» Б. Гладигова к необычным предметным областям статья Штеффена Дикса, младшего научного сотрудника Лиссабонского университета, посвященная религиоведческому исследованию литературы. Рассматривая творчество португальского поэта Фернандо Пессоа с позиций европейской истории религии, Ш. Дикс представляет его как отражение процессов плюрализации и дифференциации религии. Также он рассматривает его творчество в контексте теории секуляризации, утверждая, что с его помощью можно как подтвердить, так и опровергнуть ее. Кроме того он обращает внимание на сходство феноменов религии и поэзии.

Следующая за этим текстом статья А. Кох посвящена идее экономики религии Б. Гладигова. Это словосочетание появляется в работах Б. Гладигова не раньше 1995 года, однако сама по себе изложенная концепция имеет большое значение для понимания его идеи системного подхода в религиоведении. Экономика в нем

¹ И В. Макридес и Б. Гладигов используют понятие «системы ориентирования» во множественном числе (“meaning and orientation systems”), подразумевая под этим ряд взаимодействующих друг с другом культурных подсистем, таких как религия и наука.

выступает как аналитическая концепция: Б. Гладигов применяет экономические метафоры к религиозным процессам и создает экономическую теорию религии.

Предпоследней в сборнике расположена статья профессора религиоведения Рурского университета в Бохуме Фолькхарда Креха под названием «Die Teilung des Opfers: Religion zwischen Biologie und Soziologie» («Разделение жертвы: между биологией и социологией»). В ней рассматриваются работы Б. Гладигова, посвященные проблеме жертвоприношений. Автор указывает как на социальную сторону жертвоприношений, например, роль жертвы в стабилизации социальной стратификации, так и на биологическую сторону этой практики. Так, Ф. Крех пишет, что жертвоприношение сопровождается выделением эндорфинов и дофамина подобно спорту, наркотикам и сексу, однако указывает на ошибочность их уравнивания в религиозной практике. Жертвоприношения называются специфическим феноменом, который религиозные традиции с разной степенью успешности пытаются заменить или смягчить: так, в христианстве его сменило таинство евхаристии, а также практика совместных чтений.

Заключительная в сборнике статья Хуберта Мора и К. Ауффарта о «Metzler Lexikon Religion» («Энциклопедия религии Метцлера»). В ней описывается процесс создания этой энциклопедии: её идея зародилась в кругу студентов и преподавателей Тюбингенского университета, которые в 1990-х годах работали над изучением религии и медиа. Целью энциклопедии был анализ проявлений религий в медиасфере, понимание религии как части современного общества и в то же время как социальной практики. Проект был активно поддержан Б. Гладиговым и Г. Керером, а в качестве исследовательской оптики создатели энциклопедии использовали концепцию религиоведения как науки о культуре Б. Гладигова.

Завершает сборник общая библиография Б. Гладигова.

В целом, работы, помещенные в сборнике, демонстрируют актуальность и потенциал к развитию многих идей Б. Гладигова, в частности концепций «европейской истории религии» и религиоведения как науки о культуре. Весьма интересные перспективы

может иметь концепция экономического подхода к религии. Также стоит обратить внимание и на эстетику религии, которую Б. Гладигов понимает как дисциплину, изучающую нетекстовые проявления религии. Сборнику действительно удастся продемонстрировать вклад тюбингенской школы в развитие немецкоязычного и мирового религиоведения. Помимо прочего данный текст хорошо иллюстрирует и структурирует процессы, протекавшие в немецком религиоведении на протяжении последней четверти XX века.

В. Костылев (МГУ)

Рецензия на: **Spirits and Animism in Contemporary Japan: The Invisible Empire**. Ed. by F. Rambelli. Bloomsbury Academic, 2019. 241 p.

Рецензируемая коллективная монография, которая также может быть названа сборником из-за отсутствия как таковой взаимосвязи между её главами, представляет собой научное исследование анимизма в современной Японии, помещая в центр внимания особенности восприятия духов японцами в XX–XXI вв. Книга состоит из одиннадцати глав (статей), каждая из которых посвящена одному из аспектов современных японских анимистических представлений.

Название сборника «Невидимая империя» (*Invisible Empire*) отсылает, по словам редактора, к идее Ролана Барта о «пустом центре» японской культуры. «Что, если центр вовсе не “пуст”, но плотно населён невидимыми призрачными существами? В конце концов, призраки и духи — это семиотические средства, означающие как отсутствие (мёртвые, боги, обитатели другого измерения реальности), так и невидимое присутствие. Эта семиотическая двусмысленность порождает потребность в средствах для распознавания, переживания, представления и общения с невидимым, которые производит сама японская культура. Однако это невидимое царство также является проявлением коллективного прошлого и постоянной необходимости иметь с ним дело» (p. 15).